

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Кукловод. Крымский фронт (17 часть)

Вермахт быстро учится на своих ошибках — чтобы не мерзнуть, в Ровно теперь на швейной фабрике им шьют куртки типа фуфаяк, на ватине, но длиной до середины бёдер и со множеством карманов. В Луцке валяют валенки — а то свои награды за зимнюю кампанию 41 года многие в шутку так и называли, мол медаль «Мороженное мясо». Горькая шутка для воинов Вермахта! А вот нашей армии Монголия поставляет бараньи тулупы и, соответственно, в наших же вагонах-рефрижераторах — баранье мясо! Бараний тулуп зимой ни с одной фуфайкой не сравнить!

Научились они, последователи мрачного тевтонского гения, успешно бороться бороться и с непробиваемыми КВ-1, используя вместо слабых противотанковых «колотушек» 37 мм свои отличные зенитки, так называемые «ахт-ахт». Но и наши зенитки 85 мм тоже отличная вещь! Помню, читал в своём времени воспоминания одного зенитчика, так он за всю войну подбил всего лишь один самолёт, а вот танков — 14 штук! Так что я сейчас еду в один хитрый полк за Симферополем — там на складах резерва должны быть две батареи этих длинноствольных «убийц танков».

Эти пушки стояли на хранении в складах, кадрированный батальон охранял замаскированные склады НЗ. Но я, как командующий фронтом, прямо на складе написал требование и все восемь мощных «подруг», как их называли зенитчики, теперь готовились к переезду на линию фронта. Удача! И, выезжая из расположения батальона на трассу Симферополь — Севастополь, я ещё не знал, какой сюрприз меня ждёт. И это был полный шок! Но не для меня!

Тут такой густо лесок, видимо перед войной специально посадили, чтобы прикрыть склады. Мы решили и перекусить в лесу. ведь даже разогретые консервы, с дымком, имеют в лес совсем другой вкус. А какие тут чудесные запахи — сразу забываешь о войне, так хочется мирной жизни. В лесу пахло зеленью, воздух пить можно вместо чистой воды. Всегда лес любил, и сейчас эта страсть не делась никуда. Именно в лесу ты как-то особенно остро ощущаешь близость природы, той самой, которая сейчас стирает и растворяет в себе все шрамы и ужасы случившейся войны. Тут, на узкой дороге, ведь не видишь ни развалин, ни убожества нынешней жизни, здесь даже о плохом думать совсем не хочется. Гаснет в кустах фырчание двигателя, перебиваемое утренним пением птиц, солнце местами расписало светлыми пятнами падающие на дорогу тени. Настроение было — высший класс! Но какая-то сволочь конечно — настроение обязательно испортит!

На просёлочной дороге из расположения складов вдруг нам навстречу чёрная «Эмка» и грузовик с будкой под тентом. Встали мы лоб в лоб, хотя тут легко было разъехаться и тут вылетает «орёл» в фуражке с сиреневым верхом и, достав «Наган», орёт вовсю:

— Вы, шваль армейская, вон с дороги! Пока я вам яйца не отстрелил! Вон всем отсюда, портянки вонючие! На коленях будете ползать, шваль такая!

Я увидел, как мои парни сильно взбесились! И я от бешенства озверел! Вот твари, сидят в тылу, лепят липовые дела, расстреливают порой невинных, да ещё такое отношение к нам. Вот пьяная тварь! Мало того, что Сталин хитро установил, что при равных званиях оклады у особистов в два раза больше, так ещё и королями себя считают. И тут я во весь голос взревел: — Парни, вперёд! Это немецкие диверсанты! Взять их!

Это конечно были не диверсы Вермахта, но тут лесополоса, место тихое и кругом пусто. У меня даже руки задрожали от бешенства. Сейчас мы тебе покажем «шваль»! А тут ещё из кузова вылезли двое наглых энкаведешников и угрожали стрелять! Ха! – напугали моих орлов! Через минуту этот наглый хам капитан валялся еле живой, рядом со своим шофёром, который был точно не живой – этот идиот рывкнул на Стёпу. Полный придурок – оскорбить нашего Степана с его пудовыми кулаками! И двое наглых гонористых охранников были вытащены из грузовика и сильно избиты нагайками казаков.

— Иванов, немецких диверсантов из «Шмайссера» в овраге. И дела сжечь! Быстро! И все документы этих тварей – в костёр!

Из кузова с нашей помощью вылезли трое — бравый майор-артиллерист и две весьма симпатичные молодые женщины. Забрав всё оружие, мы ловко загнали машины в лесополосу и посадили майора и женщин ко мне в «Додж». Треснули две короткие очереди в овраге и довольные Стёпа и Иванов залезли в БА-10. Иванов, подмигнув мне, громко доложил, что немецкие диверсанты ликвидированы. Вот документ главного он сжёт — а зовут мерзавца... да я его прервал — знать не желаю имени этого мерзавца и убийцы! Да, все дела на приговорённых к расстрелу — сожжены!

Как оказалось, майора «сдал» Мехлис. Потирая своё лицо, всё в синяках, майор рассказал, как они с остатками своей армии в 41 выходили из окружения. Немцы тогда не успели замкнуть кольцо. Вот у них и получилось!

— А мы с танкистами, прямо на броне, рано утром 5 августа рванули на скорости, вышли к мосту через Десну, смяли с ходу охранение немцев и погнали на восток, вдоль шоссе Москва — Варшава. Прорвались, доехали до сборного пункта в деревне... Название у нее еще такое было... Дай бог памяти... Вспомнил! Деревня Амур. И с нами был генерал. Это был бравый генерал-лейтенант Качалов, командующий Двадцать восьмой армией. Мехлис потом еще наклеузначил на Владимира Яковлевича — мол, предатель, сдался в плен. А генерал погиб четвертого августа при прорыве, рядом со мной... Вот брехло этот Мехлис — мол 30 июля сдался в плен, а 4 августа командовал прорывом! А у Мехлиса все наши генералы только негодяи-предатели, один он верный ленинец.

Мы же с ним тогда выходили из окружения и привезли его, израненного, прямо в танке... Мехлис как нас увидел, так и взбеленился — а генерал-то получается и не предатель, руководил выходом остатков армии. И, когда Мехлис стал на нас орать и грозить «Маузером», мол предателя привезли, я в сердцах и выдал, что он сам настоящий предатель, ведь не разрешил атаковать 99 дивизии оборону немцев нам навстречу. Он бы меня сразу и пристрелил, да тут все горячие, из боя, да и оружие в руках. Но оказалась тварь какая памятливая — увидев меня в Севастополе, сказал начальнику НКВД, что я перебежчик и даже предатель. Представляете, товарищ генерал, какая он сволочь! Какой я перебежчик, если нахожусь в Севастополе!

— Представляю! Да я с этой подлой тварью каждый день воюю. Он бы и меня постоянно готов пристрелить, да рядом со мной всегда Стёпа с «MG» в руках и таким выражением своего скромного личика, — все заржали, что тот понимает — он переживёт меня ровно на три секунды, — и мы тихо засмеялись.

— Товарищ генерал, Вы чуть ошибаетесь, не три секунды, а две. Но это если успеет выстрелить, — это уже Стёпа. Мы теперь засмеялись громче, представив себе картину — из «MG» с пяти метров... Недаром «MG-34» называют «гитлеровская

пила..."

Ладно, дам майору полк в 47 дивизии, сейчас его и мать родная не узнает. А с этими девушками совсем просто — они нагло отказали ему, целому капитану НКВД. Да он такой вонючий, такой противный, товарищ генерал, да и у него по всему телу какие-то лишайи... Стал он раздеваться, а Лизу и вырвало. А вот у него — так сразу “на пол-шестого”. Но тогда он сочинил на нас дело — немецкие радистки. Да мы медсёстры, а рацию и в глаза не видели. Нас чего и побили — они требуют подписать протокол, а мы ведь в рациях ничего не понимаем! Мы ведь медсёстры, да с полным образованием и с хорошим опытом. А нас забрали из госпиталя и повезли сюда расстреливать! Вот сволочь этот капитан, “писатель-романист”! И не кормили нас два дня.

Так что мы заехали в Симферополь и пообедали в ресторане. И, пока я пошёл и заказывал всем поесть, Стёпа мне такой пиар сделал. Мол, вам, красавицы, так повезло, это же «чёрный генерал», за ним, как за каменной стеной. А про то, что было в овраге — забудьте, дела ваши сгорели, особисты эти, подлые сволочи, погибли от пуль из немецкого автомата. Значит что? — их убили такие подлые немецкие диверсанты И теперь всем вам нужно срочно выпить — это у вас второй день рождения! Запомните этот день!

Подхожу я к столикам, а девушки давай меня целовать и весь мундир слезами залили! Дошло до них, что я спас их от расстрела! Ну и выпили они крепко и уснули на заднем сидении. И проснулись уже возле моего домика. Девушки мои искупали этих медсестёр, майора осмотрели и намазали мазью от синяков. как они им сочувствовали — ведь их уже везли на казнь. Вот так и везли — невинных людей! Я потом спел под настроение, да прямо в во время ужина:

С берез, неслышен, невесом,
Слетает желтый лист.

Известный вальс «Осенний сон»

Играет гармонист...

Девушки сразу в слёзы — очень им понравилась песня. А Оля записала — пойдёт в «Боевой листок». Но чтобы никто не грустил, я выдал анекдот. Рассказал я всем после третьей рюмки и совсем скромный анекдот:

Вот встретились двое в ресторане, выпили крепко и сразу же угодили в постель. А утром состоялся между ними такой вот разговор. Он: «Мадам! После того, что случилось, я, как очень благородный человек, просто обязан на тебе жениться, дорогая. «. Она спрашивает его, (одеваясь, испуганно): «А что случилось-то?» Хохотали все полчаса. Но главное, что обе девушки немного отошли! Одна девушка вновь попросила меня ещё спеть...

И тут я обратил внимание, какая прелесть вторая спасённая девушка. Красивое лицо круглого типа, с чуть приподнятым кончиком узкого носа средней длины, невысокий пропорциональный лоб, волнистые светло-русые распущенные волосы, чуть ниже подбородка. Была одета в красивый новомодный деловой костюм из дорогого материала темно-коричневого цвета с еле заметным благородным блеском. Костюм состоял из узкой зауженной книзу юбки, плотно облегающей красивые бедра, средняя длина которой выставляла напоказ стройность и красоту ног, прикрытых чулками телесного цвета. Была обута в изящные полусапожки на средних тонких каблуках из высококачественной замши тоже темно-коричневого цвета. Застегнутый на три пуговицы приталенный пиджак идеально подчеркивал талию, подтянутый живот и высокие, в меру крупные, груди. Из под пиджака

была видна шелковая блузка бежевого цвета со стоячим воротником, расстегнутыми верхними пуговицами. Красивая шея притягивала внимание своей изящной формой, здоровой светлой кожей. Вокруг нее был свободно повязан удивительно тонкий платок из шелкового материала, такого яркого светло-янтарного цвета, прекрасно гармонирующий с цветом чистых красивых янтарных глаз с длинными ресницами. Как ни странно, но эти синяки её совершенно не портили, а наоборот — придавали некий шарм.

И тут Оля спросила, что за песню я напевал по дороге. Это была песня на стихи Марины Хлебниковой, но я представил, что её написали моя жена и её подруга Анастасия, сестра Ксюши, перед моим отъездом. Ну подвыпившая компания “налетела” на меня – скорее спойте! Вот пришлось и напеть:

Мой генерал, ты прошагал,
Тысячи верст.

Мой генерал, ты и не знал,
Нежности звезд.

Мой генерал, ты понимал,
Что впереди,

Мой генерал, будет привал,
Но надо идти.

Мой генерал, мой генерал,
Просто солдат просто устал.

Мой генерал, мне бы узнать,
Сколько мне ждать,

Ну сколько мне ждать...

А Елизавета и Анастасия сразу к пианино и давай напевать, подбирая мелодию. Мне аж неудобно стало – Марина ещё не родилась. Ну, думаю, она простит мне этот небольшой грех. Да им я ещё выдал песню про подруг. Девушки и её напели, конечно у Лолиты и Апиной вышло лучше, но сейчас все в ресторане были в полном восторге – так красиво зазвучал их дуэт:

Сегодня у меня на сердце вьюга

А неудачи словно ошалели

Так встретимся давай моя подруга

Посплетничать, подумать о судьбе

Давай с тобой поплачемся украдкой

И может быть, за рюмкой водки сладкой

Я расскажу тебе свои печали

А ты мне все расскажешь о себе

Пусть говорят, что дружбы женской не бывает

Пусть болтают, но я то знаю

Что мы с тобою ни на что не променяем

Сердечной дружбы нам подаренной судьбой...

Но вот от этого куплета, также ловко записанного Олей, все мои девушки сразу заплакали – мол, это я точно про них написал:

Пусть я сестры по крови не имею

Тебя считаю я сестрой своею

Хочу, чтоб знала ты, моя подруга

Что можешь и меня сестрой назвать

Чудесные стихи, да и девушки очень красиво напели, все растрогались, даже Стёпа аккуратно глаза вытер. Весь ресторан им аплодировал, даже официантки. Всё же тогда все люди были гораздо более впечатлительны, чем в моё прагматичное и жёсткое время.

Обе девушки, старшие сержанты-медсёстры, были в полном шоке — так это тот самый автор стихов в «Боевых листках»? Да их весь Крым наизусть знает — они обе смотрели на меня такими горящими глазами... Потом опять плакать — они уже простились с жизнью! И как им повезло — они сейчас в безопасности, завтра их запишут в штаты госпиталя, ведь начальник его, военврач первого ранга, будет очень доволен. Ещё бы — две опытные медсестры с большим опытом!

Вот такой у нас неожиданно получился насыщенный день. Света была в нашем госпитале, а меня чудесно приспали Наташа и Оля. Какой чудесный ротик у красотки Наташи — я чуть сознание не потерял от удовольствия! И, сладко расцеловавшись друг с другом, полуголые «сёстры» легли спать со мной.

А утром стихи в «Боевых листках» были напечатаны, а через день ими восхищался все в Крыму. Конечно, кроме Мехлиса — с ним никто «Боевые листки» не согласовал! Но всем на него и лично мне было — с большой колокольни...